

Глобальные вызовы современности в контексте борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством

Цель статьи – рассмотреть конфигурацию глобальных вызовов современности в контексте борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством и дальнейшей постановки проблем международной значимости на международную повестку дня. Во введении статьи дан краткий обзор литературы по проблеме исследования, показано, что современные международные отношения имеют полисубъектную структуру, в которой значимая роль принадлежит «странам-глобализаторам» или «локомотивам» мирового и/или регионального развития, а также «субъектам-нарушителям спокойствия», которые стремятся действовать вне устоявшихся норм и правил сотрудничества на мировой арене. Показано, что смена приоритетных вопросов на «международной повестке дня» проявляется в усилении национального протекционизма, популизма, «возвращении к суверенизму», в так называемой «деглобализации». В основной части статьи автор сконцентрировался на рассмотрении переформатирования глобального социально-политического пространства во всех сферах. Показано, что осмысление указанной тенденции раскрывается в терминах «глобальные риски», «глобальные вызовы», «глобальные угрозы», «кризис». Автор исследует особенности борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством, т.е. за доминирование в идейно-символическом пространстве. Определение глобальных вызовов связано с оценкой мировых процессов через призму идентичностей субъектов глобального социально-политического пространства и с конфликтом интерпретаций этих процессов. Предложено авторское определение глобальных вызовов, рассмотрены явные и латентные вызовы. В заключении определены глобальные вызовы, которые препятствуют разрешению противоречий современного развития: вызов космополитизма, борьба за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством, манипулирование неопределенностью, «гегемония культурного» и создание зон контролируемой нестабильности. В завершении обозначены направления регулирования современных вызовов мирового развития.

Ключевые слова: глобальное социально-политическое пространство, глобальный концептуальный дискурс, «международная повестка дня», «деглобализация», «глобальные риски», «глобальные вызовы», «глобальные угрозы», дискурсивный контроль как глобальный вызов, явные и латентные вызовы.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению глобальных вызовов в условиях борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникационным пространством. Исследован полисубъектный состав современных глобальных процессов, показано, что современные мировые глобализационные процессы следует рассматривать в широком смысле, как тенденции к усилению взаимовлияния и взаимозависимости сообществ при одновременных попытках переформатирования глобального социально-политического пространства во всех сферах. Рассмотрен понятийный аппарат, с помощью которого концептуальные дискурсы определяют современное состояние мирового социально-политического пространства. Дано авторское определение понятия «глобальный вызов», выделены явные и латентные вызовы. Также определены глобальные вызовы, которые препятствуют разрешению противоречий современного развития: вызов космополитизма, борьба за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством, манипулирование неопределенностью, «гегемония культурного» и создание зон контролируемой нестабильности.

Введение. Состояние мирового социально-политического пространства все чаще называют «кризисным», указывая на постоянно растущее давление социальных систем на внешнюю среду и друг на друга, подкрепленное всеобщей взаимозависимостью и вовлеченностью в мировые процессы государств, сообществ и отдельных субъектов. У. Бек для обозначения данного процесса применил термин «*космополитизация*», описывающий процесс смешения и интеграции различных сообществ на основе пассивного либо вынужденного выбора, «который сказывается на действительности как побочный эффект от мировой торговли или таких глобальных угроз, как изменение климата, терроризм или финансовые кризисы» [1, с. 43].

Вопросами изучения глобализационных процессов и их последствий занимались такие авторы, как З. Бауман, У. Бек, Г. Терборн, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон и др. А. дель Валль, В. Катасонов, Д. Г. Балуев, А.А. Новоселов анализировали современные тенденции в развитии глобального социально-политического пространства. Проблематика дискурсивного контроля в международных отношениях изучалась Н. А. Антанович, В. В. Ватылем. В данной статье также использовались данные организаций, как Всемирный экономический форум, «Проект Тысячелетия», Консалтинговая организация по политическим рискам «Eurasia Group», международная организация Oxfam International.

Цель данной статьи – рассмотреть конфигурацию глобальных вызовов современности в контексте борьбы за дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством и дальнейшей постановки проблем международной значимости на международную повестку.

Основная часть. Динамика процессов глобализации, изначально направленных на экономическую и информационно-коммуникационную интеграцию, зависит от политического, социального и культурного контекста. В современных условиях нельзя говорить о распространении автономных тенденций в пределах одного государства или региона: внутренняя и внешняя политика, а также политика внутри регионов

устоявшегося сотрудничества оказывают существенное взаимное влияние, особенно под влиянием «государств-локомотивов» мирового и/или регионального развития. Их действия и инициативы способны вызывать ощутимую цепную реакцию в глобальном социально-политическом пространстве и провоцировать не только интеграционные, но и дезинтеграционные тенденции. В качестве примера можно привести последствия выхода США из Транстихоокеанского торгового партнерства в январе 2017 г.: готовность Австралии увеличить экономические связи с Китаем, Канады – взаимодействие с растущими экономиками Азии. Мы можем видеть, каким образом дезинтеграция внутри региона устоявшегося сотрудничества может приводить к быстрому изменению вектора взаимоотношений и, как следствие, перераспределению власти в рамках глобального социально-политического пространства. Кроме того, существенное влияние на международные отношения оказывают «субъекты-нарушители спокойствия», которые действуют или стремятся действовать, нарушая устоявшиеся нормы и правила сотрудничества на мировой арене. Аналитики объединяют таких субъектов концепцией «серой зоны мировой политики» [2, с. 6]. Но следует отметить, что каждый субъект глобального социально-политического пространства определяет собственный круг «субъектов-нарушителей», что основывается на конкуренции различных стратегий и проектов мирового/регионального развития и, соответственно, связано с *дискурсивным контролем как глобальным вызовом*.

Современные глобальные процессы имеют полисубъектную структуру (в противовес моносубъектной, а также биполярной структурам). Стремление «стран-глобализаторов» к контролю и гомогенизации этих процессов породило спектр различных ответных течений, которые ограничивают одностороннее развитие. Если описывать глобализацию как линейный процесс построения, прежде всего, единого экономического пространства, то в последнее время говорят о завершении этого процесса. Это объясняется уменьшением количества экономических вопросов в глобальном коммуникационном пространстве и ростом международного внимания к вопросам социально-политического, экологического и технологического порядка. Что, например, ежегодно демонстрирует Всемирный экономический форум, в отчете которого за 2017 г. экономические риски не были включены ни в число наиболее вероятных, ни в число наиболее влиятельных глобальных рисков [3].

О смене приоритетных вопросов на «международной повестке дня» свидетельствует и усиление национального протекционизма в международных отношениях. Как это обобщил в своей инаугурационной речи Президент США Д. Трамп – «покупай американское и нанимай американцев» и «право каждого народа – заботиться о своих интересах прежде всего» [4]. Или как это демонстрирует объявленная в начале 2017 года Премьер-министром Великобритании Т. Мэй «политика жесткого брексита», суть которой – в получении полного контроля над национальными границами, иммиграционными потоками и внутренним рынком. Французский геополитолог и публицист А. дель Валль определяет эти тенденции термином «деглобализация» как «возвращение к суверенизму, популизму, протекционизму, ко всему национальному с точки зрения экономической, идеологической и политической» [5]. Российский политолог В. Катасонов объясняет это «переходом к стадии посткапитализма» [6], основанной на перемещении экономических и финансовых взаимодействий в цифровое пространство с одновременной фрагментацией и расслоением социально-политического пространства.

С точки зрения автора данной статьи, современные мировые глобализационные процессы следует рассматривать в широком смысле, как тенденции к усилению взаимовлияния и взаимозависимости сообществ при одновременных попытках *переформатирования глобального социально-политического пространства во всех сферах*. Сегодня, после надежд на «конец истории» как прекращение идеологического противостояния, триумф свободы человека во всех ее проявлениях и общечеловеческих ценностей, победы над тоталитарными и радикальными идеологиями, вновь идет борьба за *дискурсивный контроль над мировым коммуникативным пространством*, за доминирование в идейно-символическом пространстве. Как отмечал белорусский политолог В. Н. Ватыль, «идейно-символическое пространство включает взаимодействие мировоззренческих, ценностно-смысловых и социокультурных установок и практик» [7, с.152]. Исследователь также показал, что процесс глобализации «находит свое выражение в различных проявлениях нетерпимости в современном мире (ксенофобия, этноцентризм, расизм, религиозный экстремизм и терроризм)» [8, с.135]. Но при этом, глобализация в узком смысле продолжает свое существование в качестве *глобального концептуального дискурса*. В частности, участники Всемирного экономического форума – 2017 в Давосе по-прежнему выражают надежды на продолжение экономической глобализации: «Думаю, что по большому счету глобализации ничто не угрожает в долгосрочной перспективе, поскольку этот подход к миру выгоден для всех.... Возможно, изменится подход к этому процессу, скорректируется философия, но глобализация останется», – заявил Генеральный директор альянса «Рено-Ниссан» Карлос Гон [9].

Проблематика современных мировых тенденций развития раскрывается в терминах «глобальные риски» (global risks), «глобальные вызовы» (global challenges), «глобальные угрозы» (global threats), «кризис» (crisis). Объединяет эти термины *состояние неопределенности с высокой вероятностью возникновения негативных последствий*. Как писал З. Бауман: «Смысл глобализации в том виде, в каком он сформировался в рамках сегодняшнего дискурса... связан, прежде всего, с глобальными последствиями, абсолютно

непреднамеренными и непредусмотренными, а не с глобальными инициативами и действиями» [10, с. 89]. В целях более точного понимания необходимо установить разницу между вышеуказанными терминами.

Основываясь на лексическом значении, «*риск*» трактуют как вероятность опасности, убытка, повреждения и т.п. По определению Всемирного экономического форума «глобальный риск» – это «неопределенное событие или состояние, которое, если оно осуществится, может вызвать значительное негативное воздействие для нескольких стран или отраслей в течение ближайших 10 лет» [11, с. 6]. «*Угроза*» фактически приравнивается к опасности и выступает как признак наступления нежелательных последствий. В глобальном коммуникационном пространстве термин «*глобальные угрозы*» чаще всего используется применительно к сфере кибербезопасности. «*Вызов*» можно определить как сложную и требующую незамедлительного решения задачу. Термин «*глобальные вызовы*» используется, например, «Проектом Тысячелетия» (The Millennium Project) – некоммерческой организацией, основанной в 1996 г. Университетом Организации Объединенных Наций (UNU), Смитсоновским Институтом, Международной Группой Будущего (Future Group International) и Американским Советом при Университете ООН. Понятие «*кризис*», обозначающее переломный момент, связанный с изменением модели развития, используют для обозначения отрицательной динамики экономики. Наряду с рассмотренными выше понятиями, Всемирный экономический форум также определяет *глобальные тенденции*, представляющие собой «долгосрочные модели развития, которые имеют место в настоящее время и могут способствовать усилению глобальных рисков и/или изменению соотношения между ними» [11, с. 6].

Автор данной статьи пришел к выводу, что понятия «глобальная угроза», «глобальный риск» и «глобальный вызов» располагаются по мере убывания предполагаемого негативного воздействия, но на практике используются как синонимы. В данной статье мы остановимся на понятии «глобальный вызов» как характеристике ситуации, имеющей неопределенный исход в связи с тем, что ее разрешение предполагает изменение существующей системы отношений. Следовательно, *глобальный вызов* – это воздействие, оказываемое на субъектов глобального социально-политического пространства в процессе разворачивания современных глобальных интеграционных и дезинтеграционных процессов, имеющее неопределенные последствия для развития и воспроизводства традиционных систем социальных отношений. В данном случае, «традиционность» рассматривается не как свойство, характеризующее стадию развития социально-экономического уклада, а как характерная для конкретной общности идентичность.

Уже к середине первой четверти XXI века человечество столкнулось с вызовами, которые, независимо от характера своих последствий (экологических, экономических, социально-политических, культурных), являются следствием цивилизационного (социокультурного) выбора на основе противопоставления различных социальных систем своей внешней среде (природной либо социальной). Как отмечал У. Бек: «подлинно эпохальное отличие нынешней ситуации состоит в распространении взаимных угроз и уязвимости, имеющих культурное происхождение...» [1, с. 47]. Поэтому, наиболее важным моментом в определении глобальных вызовов является то обстоятельство, что их установление связано с *оценкой современных процессов через призму идентичностей субъектов глобального социально-политического пространства и, соответственно, с определенным конфликтом интерпретаций*.

Конфликт интерпретаций связан с дискурсивной оценкой событий/тенденций в международном развитии с точки зрения интересов субъектов, вовлеченных в эти события/тенденции. Прежде всего, это касается субъектов международных отношений, которые способны оказывать влияние на мировое развитие (к ним можно отнести такие субъекты, как национальные государства, межгосударственные объединения, международные организации, транснациональные компании, иные транснациональные сетевые субъекты). Но следует отметить, что интересы субъектов международных отношений далеко не всегда представляют региональные или общенациональные интересы. В условиях глобального расслоения и поляризации обществ (величина которых оказалась намного большей, чем предполагалось, по результатам исследования Oxfam International – международной конфедерации организаций по борьбе с бедностью [12]), определение проблемных точек мирового развития зачастую становится «личным» выбором транснациональных элит.

Важным ресурсом влияния внутри глобального социально-политического пространства выступает *манипулирование неопределенностью*. В связи с усилением популистских и протекционистских настроений, отдельные аналитики говорят о приходе так называемого мира G-Zero, т.е. мира без глобального лидера. В частности, это связывают с «популистским восстанием против «глобализма» – сперва на Ближнем Востоке, затем в Европе, и теперь в США» [13, с.2]. Фактически после президентских выборов 2016 г. в США, международные СМИ активно используют понятия «неопределенность», «неизвестность» и «неуверенность» как характеристику сложившейся на международной арене ситуации. По неоднозначным реакциям представителей мировой политической, экономической и финансовой элит на избрание Д. Трампа на пост Президента США, можно сделать вывод о формировании противостояния внутри мирового истеблишмента в отношении вопросов глобального развития, а, следовательно, о *борьбе за определение глобальных вызовов*.

В аналитических целях глобальные вызовы можно разделить на явные и латентные. *Явные вызовы* – это дискурсивно обозначенные проблемы, которые активно транслируются по каналам политической коммуникации и через деятельность «субъектов-интерпретаторов» (например, СМИ или научно-исследовательских организаций), устанавливающие определенные тренды в понимании современных процессов. Часть таких вызовов в мировой практике определяются как «глобальные проблемы человечества»,

актуальные с точки зрения целостности и общности социально-антропологической эволюции. К ним, в частности, относятся экологические (климатические изменения, загрязнение окружающей среды,

явных вызовов проистекает из глобальной политической, идеологической и экономической конкуренции и связана с концептуальными дискурсами конкретных стран и регионов, цель которых – определение универалистской картины мира.

Латентные вызовы – это те вызовы, которые не находятся на данный момент на мировой повестке, независимо от фактически оказываемого ими действия. Например, идеология потребительства не считается вызовом сама по себе и рассматривается как норма построения современного общества независимо от возникающих последствий (влияние на окружающую среду, перепроизводство, воздействие на культуру и социальные идентичности и т.д.). Латентные вызовы могут быть не выявлены не только из-за дискурсивного контроля, но и в силу сложности оценки тенденций развития глобального социально-политического пространства. Эта сложность заключается в невозможности прогноза последствий современных процессов с точки зрения существующего социально-культурного знания. Маркером традиционной оценки является сохранение либо утрата способности социальных систем к воспроизводству в новых условиях, но при трансформации самих систем такая оценка становится неэффективной. Также следует учитывать устоявшуюся практику разделения глобальных вызовов и рисков на категории в зависимости от сфер, в которых они проявляются. Всемирный экономический форум выделяет экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические риски [3]. Закономерность данного подхода вполне очевидна, тем не менее, он во многом не позволяет учитывать многосторонний характер причинно-следственных связей мировых процессов, и предусматривает применение ограниченного инструментария для управления глобальными вызовами.

В результате проведенного исследования, нами определены **глобальные вызовы**, которые препятствуют разрешению многих противоречий современного развития и влияют на характер международных отношений.

1. *Вызов космополитизма*, который связан с невозможностью создания универсальной «безэтничной» идентичности и неготовностью сообществ принять подобную универсальную идентичность. Попытки формирования «универсальных» идентичностей (например, идентичность потребителя) представляют собой побочный эффект от глобализационных процессов и не касаются вопросов глобальной этики. Эти условно универсальные идентичности оказываются несостоятельными под давлением внешних вызовов, как это происходит, например, с общеевропейской идентичностью. Общеевропейская идентичность, которая, по заявлению А. Меркель, основана на идее неразрывности Европы и прав человека, оказалась неспособной справиться с миграционным кризисом, что проявилось в росте дезинтеграционных тенденций: выходе Великобритании из состава ЕС, активизации деятельности стран Вышеградской группы (V4 – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия), которые отказываются подчиняться миграционной политике ЕС. Вызов космополитизма также подразумевает невозможность институализации такой универсальной идентичности в современных условиях. Ведь сообщества в лице национальных государств представляют собой относительно замкнутые системы, которые не способны эффективно разрешать внутренние проблемы в условиях значительного давления среды: например, обеспечение социальными гарантиями иммигрантов versus разрешение проблемы внутренней безработицы.

2. *Борьба за дискурсивный контроль* над мировым коммуникативным пространством как глобальный вызов основывается на репрессивной функции информационно-коммуникационных технологий и способности дискурсов, функционирующих на глобальном уровне, конструировать социальную реальность: как отмечал шведский исследователь Г. Терборн глобализация – это «это то, чем мы хотим ее видеть» [14, с. 31]. Одной из важных функций дискурсивного контроля является номинализация или присвоение имен / идентичностей субъектам международных отношений, с помощью которого происходит *кодирование мирового развития*. Примерами номинализации можно считать: 1) сравнение и ранжирование государств по некоторым нормативным критериям, присвоение им соответствующих значений, например, с помощью индексирования (индексы *Fragile States* – нестабильных/неустойчивых государств, *Transparency International* – восприятия коррупции, *Freedom House* – «свободы в мире»), либо 2) использование определенных концептов для описания субъектов международных отношений: «серые зоны мировой политики», «государства-изгои», «третий мир» и т.д. Как указывалось выше, ярким примером дискурсивного контроля является *преднамеренная манипуляция неопределенностью*, поскольку предопределение кризисного состояния предполагает некоторую невозможность изменения вектора мирового развития.

3. *«Гегемония культурного»* – перевод глобальной конкуренции в плоскость борьбы идентичностей, что означает *использование социокультурных различий сообществ как обоснование невозможности разрешения современных проблем* в смысле цивилизационных различий по С. Хантингтону. Как известно, С. Хантингтон указывал на «непреодолимые разломы» в глобальном социально-политическом пространстве, в силу существования которых неолиберальная идея единого мировоззрения в качестве общепринятой нормы мирового развития, представляется маловероятной. Рассматриваемая тенденция проявляется в росте популизма, протекционизма и фундаментализма, основа которых лежит установление односложных и

«простых» целей развития, отсылаемых к дихотомии «свой-чужой», где определение «чужого» основано, прежде всего, на социокультурных/национальных различиях. Пример «дискурсивных увязок»: «терроризм – ислам», «глобализация – США», «мировая угроза – Россия».

4. Создание зон контролируемой нестабильности в глобальном социально-политическом пространстве. Речь идет, во-первых, о создании геополитически неопределившихся зон и зон социальной и политической нестабильности путем прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела субъектов международных отношений, что характерно для продолжающихся конфликтов на Ближнем Востоке. Во-вторых, о применении концепции «disempowered citizens» («бесправных граждан»), которая описывает состояние гражданского общества, в котором граждане благодаря информационно-коммуникационным технологиям, приобретают больше возможностей по поиску и обработке информации, общению с другими индивидами, созданию общего коммуникационного пространства, но при этом чувствуют себя лишенными гражданских прав и отдаленными от процесса принятия решений [11, с. 39]. Концепция «бесправных граждан» показывает, каким образом определенные «лакуны» во властной коммуникации становятся источником социальной нестабильности. Пример – акции протеста после президентских выборов 2016 г. в США, вызванные ощущением граждан, что они были не способны повлиять на исход выборов, когда Д. Трамп победил с меньшей поддержкой (на 2,9 миллионов голосов избирателей), чем его оппонент Х. Клинтон [15].

Заключение. В завершении статьи отметим, что с нашей точки зрения регулирование современных вызовов мирового развития возможно при соблюдении двух условий:

– организации мирового взаимодействия по принципам многоуровневой коммуникации и сетевого подхода, которые предполагают учет глобального и локального контекста, способность к самоорганизации и широкому участию государств, международных организаций и движений, локальных сообществ и индивидов в глобальном принятии решений. Участие последних возможно, в частности, на основе специальных интерактивных интернет-платформ. Пример такой платформы – «People Mic» (시민마이크 – «Микрофон граждан») – южнокорейский интернет-сайт для выражения мнения граждан по поводу существующих общественных и частных проблем, а также будущего страны (например, категория – «Какой я хочу видеть Республику Корею в 2017 г.») [16];

– учета культурной (в широком смысле) составляющей глобальных вызовов при одновременной нейтрализации их негативных последствий. Это включает в себя широкий спектр мер, способствующих адаптации и развитию социальных систем, основа которых – глобальная этика, формирование интеллектуального капитала на основе всеобщего развития науки и образования, международного сотрудничества в сфере науки, культуры и просвещения.

Перечень принятых обозначений и сокращений

США – Соединенные Штаты Америки;

ЕС – Европейский Союз.

Список использованных источников

1. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – Москва: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
2. Балугев, Д.Г. «Серые зоны» мировой политики / Д.Г. Балугев, А.А. Новоселов; отв. ред. М. А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. – 40 с.
3. The Global Risks Report 2017 12th Edition [Electronic resource] / The World Economic Forum. – Geneva, 2017. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf. – Date of access: 18.01.2017.
4. Инаугурационная речь Дональда Трампа [Электронный ресурс] / Международная информационная группа «Интерфакс», 2017. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/546313>. – Дата доступа: 21.01.2017.
5. Валь, А. дель Ведущие геополитические тенденции 2017 года [Электронный ресурс] / Inopressa: Иностранная пресса о событиях в России и в мире. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/27Dec2016/atlantico/17.html>. – Дата доступа: 10.01.2017.
6. Катасонов, В. Давос-2017 как символ завершения эпохи глобализации [Электронный ресурс] / Фонд стратегической культуры, 2016. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2017/01/19/davos-2017-kak-simvol-zavershenija-epohi-globalizacii-43409.html>. – Дата доступа: 20.01.2017.
7. Ватыль, В.Н. Идеино-символическое пространство политики в системе евразийской интеграции: основные сферы и формы реализации / В.Н. Ватыль // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. – Паліталогія. 2015. – № 2 (197). – С. 151-154.
8. Ватыль, В.Н. Толерантность как дискурс либеральной идеологии / В.Н. Ватыль // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2013. № 3 (162). С.135-139.
9. Давосский форум: «Мир изменится, но в какую сторону?» [Электронный ресурс] / Euronews, 2016. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2017/01/23/davos-world-economic-forum-geopolitics-and-economics-of-2017>. – Дата доступа: 23.01.2017.

10. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
11. The Global Risks Report 2016 11th Edition [Electronic resource] / The World Economic Forum. – Geneva, 2016. – Mode of access: <http://www3.weforum.org/docs/Media/TheGlobalRisksReport2016.pdf>. – Date of access: 26.08.2016.
12. 5 shocking facts about extreme global inequality and how to even it up in Davos [Electronic resource] / Oxfam International, 2017. – Mode of access: <https://www.oxfam.org/en/even-it/5-shocking-facts-about-extreme-global-inequality-and-how-even-it-davos>. – Date of access: 19.01.2017.
13. Top Risks 2017 Report [Electronic resource] / Eurasia Group, 2017. – Mode of access: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/Top_Risks_2017_Report.pdf. – Date of access: 18.01.2017.
14. Терборн, Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения / Г. Терборн // Социологическое обозрение – 2005. – №1 (4). – С. 31-62.
15. 2016 Presidential General Election Results [Electronic resource] / Dave Leip's Atlas of U.S. Presidential Elections, 2016. – Mode of access: <http://uselectionatlas.org/RESULTS/national.php?year=2016&off=0&elect=0&f=0>. – Date of access: 21.01.2017.
16. 2017 대한민국 [Electronic resource] / 시민마이크. – Seoul, 2017. – Mode of access: <http://peoplemic.join.com>. – Date of access: 05.01.2017.

References

1. Beck U. Cosmopolitan Vision [Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie] Moscow, 2008, 336 p.
2. Baluev D., Novoselov A. The “grey zones” of world politics [Baluev, D.G. «Serye zony» mirovoi politiki]. Moscow, 2010, 40 p.
3. The Global Risks Report 2017 12th Edition; The World Economic Forum, Geneva, 2017 [Electronic resource].
4. The inaugural speech of Donald Trump [Inauguratsionnaia rech' Donal'da Trampa]. Mezhdunarodnaia informatsionnaia gruppa «Interfaks», 2017 [Electronic resource].
5. Valle A. del Leading geopolitical trends of 2017 [Vall', A. del' Vedushchie geopoliticheskie tendentsii 2017 goda]. Inopressa: Inostrannaia pressa o sobytiakh v Rossii i v mire, 2017 [Electronic resource].
6. Katasonov, V Davos-2017 as a symbol of the end of globalization era [Davos-2017 kak simvol zaversheniia epokhi globalizatsii]. Fond strategicheskoi kul'tury, 2016 [Electronic resource].
7. Vatul', V.N. The ideological and symbolic space of policy in the system of Eurasian integration: the main areas and forms of implementation [Ideino-simvolicheskoe prostranstvo politiki v sisteme evraziiskoi integratsii: osnovnye sfery i formy realizatsii] Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhavnaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiia. Filosofiia. Palitalogiia. 2015, № 2 (162), pp. 151-154.
8. Vatul', V.N. Tolerance as a discourse of liberal ideology [Tolerantnost' kak diskurs liberal'noi ideologii] Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhavnaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 1. Gistoryia i arkhealogiia. Filosofiia. Palitalogiia. 2013, № 3 (162), pp. 135-139.
9. Davos 2017: shifting sands in geopolitics and economics; Euronews, 2016. [Electronic resource].
10. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences [Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva] Moscow, 2004, 188 p.
11. The Global Risks Report 2016 11th Edition; The World Economic Forum, Geneva, 2016 [Electronic resource].
12. 5 shocking facts about extreme global inequality and how to even it up in Davos; Oxfam International, 2017 [Electronic resource].
13. Top Risks 2017 Report; Eurasia Group, 2017 [Electronic resource].
14. Therborn G. Globalization and inequality: Issues of conceptualization and explanation. [Globalizatsiia i neravenstvo: problem kontseptualizatsii i ob"iasneniia]. Sotsiologicheskoe obozrenie, 2005, vol. 4, no. 1, pp. 31–62.
15. 2016 Presidential General Election Results; Dave Leip's Atlas of U.S. Presidential Elections, 2016 [Electronic resource].
16. 2017 Republic of Korea [2017 대한민국]; People Mic, Seoul, 2017 [Electronic resource].

The modern global challenges in the context of the struggle for discursive control over the world communication space

Resume

Article purpose is to consider a configuration of the modern global challenges in the context of the struggle for discourse control over the world communicative space and the further statement of the international problems on the international agenda. In the article introduction the short review of the literature on the research problem is given, it is also shown that modern international relations have semisubject structure in which the significant role belongs to “countries-globalizers” or “locomotives” of the world / regional development and to “subjects-troublemakers” who aspire to operate outside the established norms and rules of cooperation in the world arena. It is shown that change of priority questions in the international agenda leads to strengthening of national protectionism, populism, leads to so-called “de-globalization”. In the basic part of article the author has concentrated on consideration of the global sociopolitical space reformatting in all spheres. It is shown that the comprehension of the specified tendency reveals in terms “global risks”, “global challenges”, “global threats”, “crisis”. The author shows that there is a struggle for discursive control over the world communicative space for domination in the ideologically-symbolical space. Definition of global challenges is connected with an estimation of the world processes through the prism of subjects' identities of the global sociopolitical space and with the interpretation conflict of these processes. Author's

definition of the global challenge is given; the manifest and latent challenges are considered. In the conclusion the global challenges which prevent the resolution of conflicts of the modern development are defined: a cosmopolitism challenge, a struggle for discourse control over the world communicative space, an uncertainty manipulation, “hegemony of cultural” and a creation of zones of controllable instability. In end directions of the modern challenges regulation of the world development are designated.

Keywords: global sociopolitical space, global conceptual discourse, “international agenda”, “de-globalization”, “global risks”, “global challenges”, “global threats”, discursive control as a global challenge, manifest and latent challenges.